

УДК 800

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ И «КРИТИКА ЯЗЫКА»

А.А. Бернацкая

Содержание статьи находится в проблемном поле определения предмета лингвоэкологии. В качестве исходных положений принимаются тезисы о междисциплинарном характере научной дисциплины и, следовательно, необходимости разграничения задач пограничных дисциплин. Объектом проведенного исследования избран междисциплинарный сегмент, объединённый понятием критики языка/речи как особого рода метаязыковой деятельности. Рассматриваются три значения словосочетания «критика языка», а также феномены пуризма, феминизма и политкорректности в их отношении к лингвоэкологии. Анализ не ограничивается областью русистики.

Ключевые слова и фразы: лингвоэкология; критика языка/речи; пуризм; феминизм; политкорректность; негоценочность; эвфемизирующие и манипулятивные технологии.

LINGUISTIC ECOLOGY AND “LANGUAGE CRITICISM”

A.A. Bernatskaya

The article is on the problem of the object of Linguistic Ecology. The points about interdisciplinary nature of Linguistic Ecology are taken as starting and, consequently, the need to distinct the tasks of border disciplines are taken into consideration. The interdisciplinary segment which is combined with the concept of language / speech criticism as a special kind of metalinguistic activity is chosen as the object of the conducted study. Three meanings of the phrase “language criticism” as well as the phenomena of purism, feminism and political correctness in their relation to Linguistic Ecology are considered. The analysis is not limited only to the field of Russian Studies.

Key words and phrases: linguistic ecology; language / speech criticism; purism; feminism; political correctness; negative value; euphemizing and manipulative technologies.

Междисциплинарный характер лингвоэкологии можно считать аксиомой. Это с необходимостью предполагает определение предмета дисциплины путём разграничения с предметами совокупности пограничных, смежных областей. Объектом описываемого исследования избран междисциплинарный сегмент, объединённый понятием критики языка как особого рода метаязыковой деятельности, направленной на оценку речевых, языковых единств или языка / речи социума, или отдельного носителя языка с целью фиксации, диагностирования и коррекции негативных, с точки зрения оптимального выполнения ими соответствующих функций, способов актуализации языка.

Выражение «критика языка» имеет три значения. 1. Как свободное словосочетание в прямом номинативном значении это имя феномена, возраст которого измеряется, очевидно, возрастом человека разумного (*homo sapiens*) и человека говорящего (*homo loquens*).

«Критическое отношение к языку появилось, по-видимому, сразу, как только человек начал размышлять о языке. <...> Любая рефлексия по поводу языка, в том числе, на бытовом уровне, – письма в газету, застольные беседы и даже реплики в общественном транспорте – всё это тоже критика языка. Иногда подобная критика оказывается не менее содержательной, чем мнение компетентных специалистов» [Кронгауз 1999: 1]. 2. Как устойчивое словосочетание это термин, называющий концептуальное ядро аналитической философии, включая второй этап этого философского направления – лингвистическую философию. С учётом неоднозначности термина в философии, М.Е. Соболева предлагает обобщённую дефиницию: «Под “критикой языка” (в философии. – А.Б.) понимаются концепции, ориентированные на проблемы теории познания и рассматривающие язык в качестве необходимого условия возможности познания, т.е. фактически в качестве его априорного фактора» [Соболева 2005: 18]. С максимальной лаконичностью девиз этого направления выразил Л. Витгенштейн, его ключевая фигура: «Вся философия – это критика языка» [Витгенштейн 1994: 19]. Формально совпадая с объектом исследования, эта сфера в силу её специфической познавательно-философской направленности не входит в анализируемый сегмент. Но тема критики языка красной нитью проходит через всю историю философии, что позволяет видеть в ней предысторию, исторические корни лингвоэкологии [Бернацкая 2014]. 3. Третье значение словосочетания и второе терминологическое: в ФРГ «критика языка» – дисциплина, состоящая в неоднозначно определяемых отношениях с языкознанием.

В собственно номинативном, ядерном значении **критика** языка – это всегда выражение неудовлетворённости либо речью в целом, либо, чаще, языковым оформлением отдельных высказываний в речи конкретных носителей языка, в том числе известных в разных языковых сообществах личностей или персонажей литературных текстов. Это и критика языка как основная должностная обязанность редактора и корректора литературного органа («журналистская» критика); и корректора органа СМИ и научного издания; и профессиональная деятельность учителя-словесника в образовательном учреждении, вырабатывающего культуру речи учащегося в актах устного и письменного речепроизводства в спонтанной и целенаправленной речи; это и усилия родителей, в меру собственных языковых и коммуникативно-речевых компетенций направляющих речь своих чад.

Иногда это рефлексия по поводу самого языка, допускающего разного рода «аномалии»: отклонения от норм, стандартов, неточности, нелогичности, двусмысленности,

затрудняющие понимание. Немецкий лингвист Циммерер говорит в связи со свойством амбивалентности о «корруптированности» самого языка [Zimmerer 2006: 20]. Размышления об «ущербности» языка привели санскритолога, сторонника натуралистической школы Макса Мюллера к гипотезе, согласно которой «ущербность» языка стала первопричиной мифологии. Вот как эту мысль Мюллера сформулировал Э. Кассирер. «Для него мифология не есть ни история, превращённая в притчу, ни притча, превращённая в историю. <...> Всё, что мы называем мифом, обусловлено и опосредствованно языком; причём в том смысле, что оно связано с основным недостатком языка, с его исконной слабостью. Языковое обозначение всегда многозначно – в этой многозначности, в этой “паронимии” слов следует искать источник и происхождение всех мифов» [Кассирер 2000: 329]. Приводится цитата из труда Мюллера: «Мифология неизбежна, она является присущей языку необходимостью, если мы познаём в языке внешнюю форму мысли: она, одним словом, тёмная тень, которую язык отбрасывает на мысль...» [Müller M. Über die Philosophie der Mythologie. – Straßburg, 1876; цит. по: Кассирер: там же]. А.А. Потебня приводит другую, предельно лаконичную цитату из сочинений М. Мюллера: «мифология – болезнь языка», и далее интерпретирует её смысл: «По М. Мюллеру, поэтическая метафора явилась вследствие лексической бедности древнего языка: не пользуясь достаточным запасом слов, язык вынужден был употреблять одинаковые термины для обозначения различных предметов и впечатлений...» [Потебня 1976: 427; 435]. Ещё далее Потебня указывает на ошибочность представления о том, что метафора могла появиться на каком-то этапе эволюции языка: «Между тем понимаемая в известном смысле метафоричность есть единственный первоначальный способ, доступный языку, уже предполагаемый отсутствием представления в слове, прозаичностью слова» [Там же: 436]. Так из критики языка вырастает идея креативности языка.

Иногда критика языка принимала курьёзный характер. Так, по сообщению Э. Кассирера [Кассирер 2000: 357], один китайский император (III в. до н.э.) присвоил себе личное местоимение первого лица единственного числа, запретив подданным использовать его в речи. Русские императоры узואльно закрепили в своей речи (жанр манифеста) транспозицию формы первого лица множественного числа в семантическую сферу единственного числа («Мы, Николай Второй, Император всея Руси...»).

Конфуций (конец VI в. до н.э.) и его последователи учили: название неразрывно связано с обозначаемым и должно ему соответствовать. В нарушении этого требования конфуцианцы видели причину всех беспорядков в обществе [История 1980: 94].

Современная речевая практика изобилует нарушениями этого догмата и его последствиями. Недавний пример из драматичной истории русско-украинского политического кризиса (апрель 2014). Представитель российских властных структур озвучил в СМИ готовность России предпринять, в случае необходимости, военные действия с целью «защиты российских граждан» Украины. Языковая неточность дала антироссийским силам повод обвинить Россию в намерении «дальнейшей аннексии» украинских территорий.

Общественная критика языка в форме разного рода нарушений старых норм, правил, запретов, тенденции к использованию новых средств экспрессии, образованию неологизмов, жанровой гибридизации обостряется в периоды бурных социально-экономических и политических движений, в новейшее время прежде всего при переходе от тоталитаризма к демократии и либерализму, к новой идеологии. В форме критики состояния речи выступает, прежде всего, критика общества. «За вкусом к беспредельной свободе выражения, за фамильярной развязностью тона, который в моде, часто скрывается духовный нигилизм, утрата исторической памяти и уважения к отечеству. <...> Демократизирующееся в ускоренные сроки общество допускает неистовую либерализацию, доходящую до разнузданного отрицания...» [Костомаров 1999: 43]. Немалую негативную лепту в морально-этическое и культурно-речевое состояние общества вносят малообразованные и не стеснённые моральными соображениями нувориши – «новые русские», но основная вина за катастрофическое снижение речевой культуры лежит на органах СМИ. СМИ – зеркало состояния речевой культуры общества («Превратившись в одну из основных сфер речепользования, средства массовой информации сегодня во многом определяют характер и свойства современного состояния языка» [Добросклонская 2008: 22]. Немецкий лингвист Г. Бек (в моём переводе – А.Б.): «Учитывая возросшую роль письменной культуры в современном обществе, нельзя недооценивать, что с утратой ведущей роли литературы всё большее влияние на культуру речи оказывают СМИ, а в их рамках – реклама» [Beck 2003: 464]).

Три основных проявления критики языка/речи в истории нового времени – **пуризм, феминизм, политкорректность**. Все три имеют универсальный характер, обладая своеобразием и разной интенсивностью в разные эпохи и в разных языках. Первые два феномена наиболее ярко проявились в немецком языке, третий – в английском. Этим различиям соответствует выбор иллюстративного материала в тексте статьи. Критика использования языка как выразителя культурного, психического, интеллектуального,

идеологического состояния общества лежит в основе новой междисциплинарной области – лингвоэкологии.

Наиболее остро **пуризм** проявляется в исторические эпохи становления литературных языков, периоды коренных изменений в общественно-политической и экономической жизни общества, подъёма демократического движения, войн, революций, поэтому он нередко оказывается связанным с различными политическими и культурными течениями конкретного общества. Движущая сила пуризма – стремление к сохранению самобытности родного языка, в целом, национальной культуры, использованию всего арсенала заложенных в его системе выразительных средств. Поэтому умеренный пуризм воспринимается как синоним борьбы за культуру родной речи. В языковом патриотизме эпохи барокко, свидетельствует Р. Девальд, поддержание культуры родной речи стало обязательным атрибутом национально-педагогического воспитания. Свою деятельность немецкие пуристы рассматривали как средство усиления национального самосознания граждан. Ультрапуризм смыкается с шовинизмом. Так, воинствующие немецкие пуристы, апеллируя к национальному сознанию, национальной гордости немецкого народа, приравнивали «иностранщину» к государственной измене в вопросах языка [Жирмунский 1965: 379]. Й. Х. Кампе (начало XIX в.), признавая, что язык – инструмент власти, настаивал на том, что надо сделать его общепонятным и прозрачным, чтобы народ имел возможность участвовать в политической жизни, а целью пуристической деятельности считал воспитание в народе нравственности и чувства независимости. В пропаганде нацистской Германии непонятные простолюдным иноязычные выражения нередко использовались для маскировки истинных, человеконенавистнических смыслов. Например, призыв к массовой стерилизации (*Sterilisation*) неарийского населения ни эмоций, ни отторжения у немцев не вызывал. Но призыв лишать целые народы способности к деторождению (*Unfruchtbarmachung*) воспринимался как призыв к геноциду. Поэтому Гитлер запретил деятельность немецких пуристов, вскрывавших эвфемизирующую функцию заимствований [Dewald 2008: 13–23]. Англо-американскую экспансию в современной Германии связывают с дефицитом, даже кризисом национальной идентичности немцев, опасаясь креолизации или пиджинизации языка [Там же: 45].

В России перестроечного периода – в 90-е гг. XX века – в русской речи, устной и письменной, в рекламе, в названиях иностранных и совместных с иностранными предприятий, в профессиональном сленге появилось такое количество англо-американизмов,

что говорили, хотя и с долей юмора, о формировании «американо-нижегородского», шире, «германо-романо-русского сленга», «русангла», «интеррусского». Часто неясно, справедливо замечает А.В. Кравченко, на какой ориентирующий эффект и на какую категорию читателей бывает рассчитана замена русских слов английскими и их гибридизация, что свидетельствует о функциональной неграмотности авторов иноязычной мимикрии. Но, главное, автор видит в этом явлении «перезагрузку ценностных ориентиров», ведущую к деградации роли русского языка в общественном сознании как второсортного, непрестижного. В зеркале языковых изменений этого периода в России нашли отражение такие негативные сдвиги в общественном сознании, как пренебрежительное отношение к труду, пренебрежение морально-этическими нормами и морально-правовыми понятиями, неуважение к закону, негативное отношение рабочего класса к интеллигенции [Кравченко 2013: 342–343; 345–347].

Проявлениями критики языка как её идеологической составляющей стали феномены, получившие наименования **«новояза»** (будь это «деревянный» язык тоталитарного сталинского режима в СССР или язык Третьего рейха: немецкого национал-социализма), **феминизма** и **политкорректности**.

Наиболее ярко выражены языковые последствия **феминизма** в рамках гендерлингвистики. «Феминистская критика языка (феминистская лингвистика) – своеобразное направление в языкознании, его главная цель состоит в разоблачении и преодолении отражённого в языке мужского доминирования в общественной и культурной жизни. Оно появилось в конце 1960-х – начале 1970-х годов в связи с возникновением Нового женского движения в США и Германии» [Кирилина 2002: 232]. Львиная доля феминистских новообразований направлена против так называемой «гендерной асимметрии в языке», или «языкового сексизма». Имеются в виду существительные мужского рода, употребляемые для обозначения лиц женского пола (*коллега, товарищ, «каждый человек/гражданин»*), названия профессий (*доктор, врач, инженер, учёный, профессор, директор*), формы множественного числа (*учителя, студенты*). В результате, утверждают активисты феминистской критики языка, создаётся «мужская картина мира», дискриминирующая женскую половину общества, принижающая её роль и функции в современном обществе. Процесс феминизации языка, т.е. тенденции к преимущественному использованию маркированных по роду форм антропонимов, стал характерной чертой письменной речи в немецкоязычных странах, особенно в Австрии 70–80 гг. прошлого века.

Нейтрально-родовые формы феминистками воспринимались как продолжение «сексистских» тенденций, – «женоненавистнических», выражающих насилие через язык. Феминистки требовали в обществе языкового сознания, свободного от языковой дискриминации женщин. Под влиянием этих тенденций в немецкоязычной прессе этих лет появились в качестве языковых новаций формы женского рода в названиях традиционно мужских профессий. При соотнесённости с лицами обоего пола использовался двойной артикль (*der/die Studierende*), двойная суффиксация (*ElektronikER/IN*), прописная буква в делимитативной функции (*LehrerInnen*) или повтор лексем (*Vertreterinnen und Vertreter*), а в сложных словах – вторых компонентов в формах разного рода (*Studienabbrecherinnen und -abbrecher*). Как проявление равноправия в семейной сфере появились мужские корреляты слов «домохозяйка», «женщина, находящаяся в отпуске по уходу за ребёнком» (“*Hausmann*”, “*Babysitter*”). Главной мишенью критики радикально настроенных сторонников феминистского движения, стали «мужские» неопределённо-личные местоимения *man*, *jederman*. Первое рекомендовалось заменить на “*frau*”, “*jedefrau*”. В смешанных контекстах писали *man/frau*. Соответственно, феминистский журнал назывался «*Jedefrau braucht COURAGE*». Нельзя не согласиться с тем, что негативные общественные явления невозможно изгнать путём изгнания их словесного выражения. А в речи негативными последствиями подобных новаций стали плеоназмы, нечёткость, размытость понятий, стилевые сдвиги, непланируемая и неоправданная экспрессивность, обеднение выразительных возможностей языка [Бернацкая 1996: 41–51].

Традиция употребления маркированных гендерных форм сохраняется, хотя, видимо, и непоследовательно, в современной письменной немецкой речи. Например:

Da die Gesellschaft Wissenschaftlerinnen und Wissenschaftler...für die Beantwortung dieser Fragen freistelle (J. Schiewe); *Lehrer/innen analysieren und beurteilen die Sprachproduktion ihrer Schüler/innen* (R.Wimmer); *Für viele Sprecher/innen bzw. Bürger/innen erschließt sich der Zugang zu...*(R.Wimmer); *Die Sprachkritiker/innen...konnten sich auf eine lange Tradition berufen...*(R.Wimmer).

Умберто Эко приводит примеры из американского речевого узуса: «Мои американские коллеги, преподаватели университетов, вместо “когда я руковожу студентами”, говорят “студентами и студентками”; всем известно, что председательствующего (*chairman*) в наше время именуют *chairperson* или *chair* (то есть “стул”). <...> Начали говорить, что “*mankind*” (“человечество”) некорректно, поскольку

содержит корень *man* и исключает из человеческого рода женщин. <...> А поэтессой женщину разрешается звать, только если она супруга поэта» [Эко 2007: 172–173].

В отечественной гендерной практике подчеркнута маркированные формы если и встречаются (крайне редко), то в обращениях в рекламно-информационных текстах. Например, информационное письмо Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина (март 2014 г.) начинается с обращения: «*Уважаемый (ая) коллега!*». Проявлением сексистских тенденций, ведущих к нарушению этики, можно, очевидно, трактовать словосочетание «*беременная девушка*», употреблённое, например, в комментариях по поводу агрессивно-оскорбительной эскапады В. В. Жириновского в ответ на вопрос молодой беременной журналистки во время брифинга в Кремле 18.04.14. Комментаторы, беря под защиту журналистку, этим выражением, не ведая того, «дополнили» невиданный поток речевой агрессии Жириновского дискредитацией её личности (ничем не оправданный, недопустимый намёк на якобы асоциальность её поведения, нарушение ею общественной морали).

Политкорректность – «термин, возникший в США и в последние годы распространившийся довольно широко в странах западной культуры», отчасти синонимичный толерантности [Сковородников 2012: 476-477]. Умберто Эко: «Движение за политкорректность развилось в университетских кругах США в 80-е годы прошлого века в качестве (согласно «Википедии». – А.Б.) установки на корректную речь, не содержащую несправедливых дискриминаций (реальных или мнимых) и не обижающую никого. Речь, где найдены эвфемистические замены лингвистическим дефинициям, затрагивающим расу, пол, сексуальную ориентацию, физические увечья, религию и политические убеждения» [Эко 2007: 168]. Например, вместо «*негр*» или «*чернокожий*» рекомендуется говорить «*афроамериканец*», не «*язык дикарей*», а «*язык архаического социума*», вместо «*инвалид*» – «*человек с ограниченными физическими возможностями*» или «*альтернативно развитый*», вместо «*воровство*» (газа) – «*несанкционированный отбор*». Эко приводит ряд гротескно, пародийно или цинично звучащих примеров: вместо «*безработные*» – «*не затребованные на неоговоренный срок*», вместо «*уволенные*» – «*пребывающие в ожидании перемены рода занятий*» и даже «*vertically challenged*» – «*вертикально озадаченный*» о человеке низкого роста. Политкорректность нередко превращается в свой антипод. Эту тему развил в статье «Наш великий шанс» (АиФ, № 31, 2013), писатель Анатолий Гладилин, отмечая негативные общественно-политические последствия получившего на Западе законодательную силу

языкового феномена: «Сейчас во Франции нет свободы слова. Вы не можете прийти в полицию и сказать, что вас ограбил негр. Вас тут же обзовут расистом. Даже расследовать не будут. Если француз ограбил – пожалуйста, идите в полицию и пишите заявление. Я это рассказываю потому, что в теперешнюю Европу с нынешними её ценностями России идти не надо. Конечно, хорошего там осталось ещё очень много, но эта политкорректность всё уничтожает. <..>. У России пока есть великий шанс. <..> Но если здесь появится такая же политкорректность – это будет равносильно смерти».

У. Эко: «Вместо того, чтоб совершенствовать общество, совершенствуют лексику. <...> Трудно поверить, но от политкорректности только один шаг до подспудного расизма». Обвинение в неполиткорректности на деле нередко оборачивается «приёмом, нацеленным на затыкание рта»» [Эко 2007: 167–168; 180]. Это «изменения, открыто и как бы ‘законодательно’ проводимые под нажимом различных социальных течений» [Кронгауз 1999: 5].

Э. Лимонов: «Политкорректность угробила уже пару, а то и больше поколений. <...> Развита демократия... Гениев она производить не может. Гении неполиткорректны по своей природе» (АиФ. №9. 2013).

Бескомпромиссно-жесткую идеологическую оценку движения, как выросшего «из воинствующего американского феминизма и напрочь лишённого каких бы то ни было научных оснований», дал А.В. Кравченко, связав его с тенденцией, которая заключается «в преследующих политические цели насильственных изменениях концептуальной системы через изменение языка» [Кравченко 2013: 307].

«Критика языка» в терминологическом значении, в представлении немецких лингвистов, стала преемником пуризма и исторически – предшественницей современного языкознания. Ю. Шиве отмечает, что до конца XVIII – начала XIX века была «смесь языкознания и критики языка»: рефлексия над языком всегда была и критикой языка. В XIX веке они расходятся функционально: языкознание берёт на себя дескрипцию, а критика языка – оценку. Причём, согласно Шиве, не критика языка выделилась или была выделена из языкознания, скорее, языкознание отделилось как исторически сложившаяся преимущественно описательная и объяснительная дисциплина из общей сферы и определила с точки зрения и предмета, и метода свою новую область деятельности. У них общий предмет (скорее, объект. – А.Б.) – язык как самоорганизующийся организм и метаязыковой характер их суждений. Но, в отличие от языкознания, критика языка имеет эксплицитно

выраженный оценочный характер. Критика языка, замечает автор, связана с нормами языка, но она не устанавливает, тем более, не настаивает на соблюдении языковых норм: она лишь формулирует нормы языка как альтернативы конфликтогенным выражениям. Имея прагматический характер, основываясь на внеязыковых масштабах, она связана с риторикой, следовательно, с категорией морали как «предпосылки эстетики, уместности, действительности». Заключение автора: языкознание и критика языка не должны сливаться. Языкознание не должно утрачивать научность в пользу оценочности. Критика языка может быть прикладной ветвью языкознания [Schiewe 2003: 402–414]. Прикладной характер критики языка иногда, – думается, неправомерно – связывается немецкими лингвистами с тем фактом, что местом приложения критики становятся конкретные области или феномены разных сфер научной или практической деятельности. Например, генные исследования и генные технологии в области естественных наук. За спором о словах стоит спор о вещах и их нравственная оценка. От того, скажем ли мы «*нерождённый человек*», «*человек*», «*эмбрион*» или «*зародыш*», зависит, будет ли вынесен приговор «*убийство*» [Wimmer 2003: 424]. В работе В. Циммерера приводится впечатляющий пример с некорректным употреблением слова «*холокост*», вызвавшим большой общественный резонанс. По поводу 60-летней годовщины со дня бомбардировки Дрездена члены НПП назвали бомбардировку города холокостом (*Bombenholocaust*). Представители оппозиционных партий расценили это как подстрекательство к агрессии по отношению к странам антигитлеровской коалиции. С одной стороны, комментирует Циммерер, преуменьшается мера преступности холокоста, с другой, действия союзников приравниваются к преступной деятельности нацистов [Zimmerer 2006: 13, 19].

Проблема статуса критики языка в Германии связывается с вопросом общественной значимости науки о языке. Проведённый в 1997 году опрос, охвативший 256 лингвистов, показал, что большинство немецких лингвистов всё ещё не готовы заниматься общественно эффективной и ориентированной на практику деятельностью. Показательно, отмечает Р. Девальд, что в диссертации языковеда Юргена Шпитцмюллера (2005) высказывается мысль, что языкознание и общественность развиваются в разных метаязыковых дискурсах, часто трудно поддающихся сравнению, что и затрудняет их коммуникацию. Хотя озвучен и риторический вопрос: «Почему бы науке не выйти из башни из слоновой кости?». Языковеды критикуют фельетонистский характер, отсутствие у субъектов критики лингвистических знаний; негативный, нередко издевательски-поучающий тон критики;

деструктивность, непрозрачность и непоследовательность, субъективность критики; слишком явную ориентацию на элитарный язык с ущемлением диалектов, социолектов, функциолектов. Это критика не языка, а речи, стиля, следовательно, культуры. Занятия этими проблемами для себя лингвисты признают неправомерными с той мотивировкой, что отсутствуют способы установления объективных критериев нормативности [Dewald 2008: 79–86]. Аргументация неубедительна уже потому, что речь идёт не о языковых нормах как таковых, а об условиях уместности употребления языковых форм в конкретной коммуникативной ситуации. Ещё менее оправданной можно считать ссылку на то, что критика языка имеет дело с реализацией языка. «Следовательно, уже нельзя ограничиваться системно-языковыми правилами, минуя нормы, санкционированные обществом, которых говорящие должны придерживаться, если они хотят сделать свою речь коммуникативно успешной» [Wimmer 2003: 420]. Создаётся впечатление, что часть немецких лингвистов всё ещё остаётся под гипнозом структуралистских конвенций, лингвистики языка, сосюрловской «внутренней» лингвистики. Бескомпромиссной отповедью такой позиции звучат слова Г. Бека (в моём свободном изложении. – А.Б.) в том же сборнике статей: Языкознание относится к наукам о культуре. Представители этих наук несут определённую ответственность за то, что их достижения не стали достоянием общества как раз в тех сферах, которые требуют языковых и образовательно-политических установок. Одной из причин является всё ещё бытующее представление о том, что задача учёного ограничена «описанием». Но ссылка на то, что каждый имеет право на свою шкалу оценочности – лишь камуфляж для боязни дать свою оценку и ведёт к утрате общественных ценностей. Наряду с ответственностью за то, что мы делаем посредством языка, мы несём ответственность и за то, во что мы превращаем сам язык. И лингвистам не пристало, чтобы уменьшить свою вину, кивать на другие науки [Beck 2003: 465].

В современной немецкой германистике существует явная тенденция формирования научно фундированной критики языка на лингвистических основаниях, следовательно, как лингвистической дисциплины, близкой, как представляется, и по характеру связи с другими лингвистическими дисциплинами, и по отношению к теории языка и к решаемым задачам, и по вопросам, находящимся в стадии дискуссий, отечественной эколингвистике. Согласно Х. Швинну, лингвистически обоснованная критика языка должна опираться на понятия прагмалингвистики, социолингвистики и на концепт дискурс-анализа [Schwinn 1997]. Чтобы не превратиться в прикладную науку, полагает Р. Виммер, она должна чётко вписаться в

определённый теоретический контекст. Научный характер критики языка – в применении лингвистических методов анализа, лингвистических концептов критических оценок. Автор называет компоненты критики языка: коммуникативный конфликт как повод; идентификация и характеристика феноменов, релевантных в коммуникативно-речевых аспектах; лингвистический анализ речи; описание (*Beurteilung*) и оценка коммуникативного конфликта. В качестве базы для обоснования лингвокритических суждений принимаются максимы Грайса [Wimmer 2003: 422–423; 435–441]. Х. Глюк: лингвисты должны не только документировать развитие языка, но и давать им оценку; критика языка должна заниматься фактами речи максимально широкого охвата, опираясь, прежде всего, на массмедиа [Dewald 2008: 87]. Консультационная деятельность для населения должна опираться на научно обоснованные критерии. Для этого (Р. Хоберг) два пути: через массмедиа и школьное образование. Задачи: поддерживать, сохранять и улучшать коммуникативную систему с учётом её динамики, действия социопрагматических факторов; облегчать взаимопонимание членов языкового сообщества и вскрывать явления манипулятивного или эвфемизирующего использования языка. Особое внимание в просветительской деятельности должно уделяться латентным и псевдозаимствованиям, что позволит помочь в распознавании языковых манипуляций на основе англицизмов «как выражения великодержавных амбиций». Скрытые заимствования чреваты опасностью (Р.Хоберг: «катастрофой видеть мир сквозь английские очки»). Результаты исследований должны служить ориентиром в практике речевой деятельности носителей языка. Если руководство медийных органов осознает, насколько тесная связь существует между языком, действительностью, пониманием, мышлением и практикой, то появится и осознание того, что профессия лингвокритика не менее важна, чем профессии литературных, музыкальных критиков, искусствоведов. Должность лингвокритика должна быть в штате крупных печатных органов (Д.Е. Циммер [цит. по: Dewald 2008: 88–93]).

Так и в отечественной лингвистике встречается предложение придать выражению «критика языка» терминологический статус. В ходе обсуждения проблемы «Русский язык в эфире» Ю.Н. Караулов подчеркнул, что все многочисленные негативные явления в речевом поведении русскоговорящих должны стать «объектом терпеливой и последовательной просветительской работы филологов и журналистов, объектом новой линии языкового воспитания общества, а именно – языковой критики» [Караулов 2000]. Такая языковая критика, несколько ранее заключала Н.Н. Трошина, понимается как «раздел прикладной

лингвистики, направленный на культивирование языка прежде всего в общественной жизни» [Трошина 1999: 104].

Лингвокритическая деятельность в выше рассмотренных случаях, профессиональная и непрофессиональная, имеет как общие черты с лингвоэкологической, так и отличия. Во всех случаях материалом и источником лингвокритических заключений служат конкретные, задокументированные продукты речевой деятельности носителей языка. Во всех случаях это метаязыковая рефлексия. В соответствии с семантикой лексемы «критика» общим прагматическим компонентом во всех случаях выступает оценочная негация, или негативная оценочность. Нет необходимости обосновывать или доказывать, что к феномену лингвоэкологии приложимы оба понятия: и метаязыковой / метаречевой рефлексии и неогноценности. Возникает вопрос, насколько целесообразно ограничивать предмет и задачи этой дисциплины негативной прагматикой, то есть критикой языка / речи. При положительном ответе на вопрос лингвоэкология окажется аналогом дисциплины «критика языка» в сегодняшней Германии, а соответствующие термины – синонимами. Согласно германистам Х. Ортнер и Х. Зитта, критике языка противопоставит («als ihr konstruktiv gerichtetes Pendant») культура речи (Sprachpflege/Sprachkultur) [Schiewe 2003: 401].

Размежевание лингвоэкологии и культуры речи имеет первостепенную значимость для определения предмета первой. Разумеется, их разграничение по образцу бинарной привативной оппозиции не означало бы ограничение задач лингвоэкологов фиксацией и диагностированием негативных фактов. Анализ и интерпретация немислимы без предложения альтернативных решений коммуникативных конфликтов. Но, очевидно, оптимальное решение вопроса с учётом масштабности социальной миссии формируемой дисциплины предложено А.П. Сковородниковым, назвавшим в качестве *tertium comparationis* дисциплин «общее предметное поле – проблематику нормы», но указавшим и на их глубокое принципиальное различие: «Если культура речи сосредоточивает свое внимание на вопросах оптимальной организации речи, ее коммуникативной эффективности и соответствующих компетенциях языковой личности, то эколлингвистика – на условиях и факторах благоприятного или неблагоприятного существования и развития языка как сложной полифункциональной системы» [Сковородников 2013: 197].

По отношению к понятию критики языка лингвоэкология представляет собой профессиональную, институционализированную форму критики способов актуализации языка. Лингвокритическая деятельность лингвоэкологов отличается прежде всего

масштабностью и социальной значимостью задач. Её назначение – через систематический анализ, комментирование репрезентативного массива фактического речевого материала во всех формах бытования языка, прежде всего СМИ, диагностировать, выявлять наблюдающиеся или только намечающиеся в частных речевых актах общие этноязыковые тенденции, угрожающие сохранению состояния языковой среды, благоприятного для социальной кооперации как условия общественного прогресса и нравственного здоровья общества. Важнейшая социальная миссия лингвоэкологов – просвещение социума относительно роли языка в интерперсональной и общественной жизнедеятельности социума. Существенной частной задачей является раскрытие языковой природы и асоциальной направленности манипулятивных технологий. Также надо донести до членов социума понимание того, что, по выражению автора словаря национал-социализма Д. Штернбергера («Aus dem Wörterbuch des Unmenschen», 1957), «говорящий может не только губить язык, но и спасти его» [Цит. по Zimmerer 2006: 29]. Язык как необходимый атрибут человека, выделяющий его из всей живой природы, должен сохранять все признаки человечности и служить ей, а не разрушать её. Современные геополитические, социально-экономические, морально-этические вызовы времени не могут позитивно разрешаться без участия языкового компонента. Лингвоэкология – не прикладная наука. Она должна стать передним краем антропоцентрически ориентированной лингвистики в современных условиях существования человечества. В конечном итоге, высшая цель, сверхзадача лингвоэкологии – сохранение языковой идентичности этноса и на этой основе нравственного здоровья общества и национальной безопасности государства. Нет сомнений, что и причины формирования эколлингвистики, и решаемые ею проблемы имеют универсальный характер в ставшем однополярном мире глобализации и диктата США. Это даёт основание утверждать, что с этой дисциплиной отечественная русистика выходит на передний край науки о языке.

Список литературы

Бернацкая А.А. Вариантность форм при обозначении женского рода антропонимов как источник экспрессии // Экспрессивность языковых единиц и текст: межвузовский сборник научных трудов. КГПУ, Красноярск, 1996. С. 41–51.

Бернацкая А.А. Исторические корни лингвоэкологии в истории философии // Филологическое образование в российско-европейском образовательном пространстве: сборник статей Межвузовской научной интернет-конференции, проходившей в рамках года науки и культуры Россия – ЕС, 10-12 апреля 2014 г. Сургут: РИО Сур ГПУ, 2014. С. 98–102.

Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Перевод с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеевой. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

- Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
- Жирмунский В.М. История немецкого языка. М.: Высшая школа, 1965. 408 с.
- История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980. 258 с.
- Караулов Ю.Н. Журналистов надо учить и учить // Независимая газета. – 2.12.2000. URL: www.ng.ru/ideas/2000-12-02/8_journalist.html (дата обращения: 14.05.2014).
- Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М – СПб.: Университетская книга, 2000. 654 с.
- Кирилина А.В. Феминистская критика языка // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.
- Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. С.П.б.: Златоуст, 1999. 320с.
- Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с. – (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
- Кронгауз М. Критика языка. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_3_09.htm (дата обращения: 14.05.2014).
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: «Искусство», 1976. 614 с.
- Сковородников А.П. Политкорректность, или политическая корректность // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Издательство Сибирского федерального университета, 2012. С. 476–477.
- Сковородников А.П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С 194–222.
- Соболева М.Е. Философия как «критика языка» в Германии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 412 с.
- Трошина Н.Н. Языковая культура как предмет общественного интереса // Язык и культура: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1999. С.88–109.
- Эко У. О политкорректности // ЭКО У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М.: ЭКСМО, 2007. С. 167–181.
- Beck G. Über Sprachkritik und Sprachpflege // Sprache und mehr. Reihe Germanistische Linguistik 245 – Tübingen, 2003. S. 451–456.
- Dewald R. Anglizismen in der deutschen Sprache. – Sprachwandel oder Sprachverfall? // Saarbrücken, VDM Verlag Dr. Müller, 2008. 120 S.
- Schiewe J. Über die Ausgliederung der Sprachwissenschaft aus der Sprachkritik // Sprache und mehr. Reihe Germanistische Linguistik 245. Tübingen, 2003. S. 401–415.
- Schwinn H. Linguistische Sprachkritik: ihre Grenzen und Chancen. Heidelberg: Groos, 1997. 185 S.
- Wimmer R. Wie kann man Sprachkritik begründen? // Sprache und mehr. Reihe Germanistische Linguistik 245. Tübingen, 2003. S. 417–450.
- Zimmerer V. Sprachkritik und sprachliche Relativität // Zimmerer V. Herrschaft durch Sprachherrschaft? Was uns die Psycholinguistik über die Macht der Wörter sagen kann. Berliner Beiträge zur Linguistik. Band 4. Weißensee Verlag. Berlin, 2006. S. 19–39.

References

Bernatskaya A.A. Variativnost' form pri oboznachenii zhenskogo roda antroponimov kak istochnik ekspressii [Form Variance at Denotation of Feminine Gender Anthroponym as the Source of Expression]. *Ehkspressivnost' yazykovykh edinit i tekst [Expressiveness of Language Units and Text]*. Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Teachers Training University Press, 1996. Pp. 41–51.

Bernatskaya A.A. Istoricheskie korni lingvoekologii v istorii filisofii [Historic Roots of Language Ecology in the History of Philosophy]. *Filologicheskoe obrazovanie v rossijsko-evropejskom obrazovatel'nom prostranstve [Philological Education in the Russian-European Educational Space]*: sbornik statej Mezhvuzovskoj nauchnoj internet-konferentsii, prokhodivshej v ramkakh goda nauki i kul'tury Rossiya – ES, 10–12 aprelya 2014 g. Surgut: Surgut Teachers Training University Press, 2014. Pp. 98–102.

Wittgenstein L. *Filosofskie raboty. Chast' I [Philosophical Works. Part I]*. Moscow: Gnosis Publ., 1994. 612 p.

Dobrosklonskaya T.G. Medialingvistika: sistemnyi podhod k izucheniyu yazyka SMI. *Sovremennaya angliiskaya mediarech' [Medialinguistics: a Systematic Approach to Media Language Study. Modern English Media Speech]*. Moscow: Flinta Publ., Nauka Publ., 2008. 264 p.

Zhirumskiy V.M. *Istoriya nemetskogo yazyka [The History of the German language]*. Moscow: Higher School Publ., 1965. 408 p.

Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Drevnii mir [The History of Linguistic Studies. The Ancient World]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. 258 p.

Karaulov Yu.N. *Zhurnalistov nado uchit' i uchit' [Journalists Need to Be Taught and Taught]*. *Nezavisimaya Gazeta*, 2.12.2000. Available at: www.ng.ru/ideas/2000-12-02/8_journalist.html (accessed 14.05.2014).

Cassirer E. *Izbrannoe: Individ i kosmos [Selected Works: The Individual and the Cosmos]*. Moscow: Saint- Petersburg, University Book, 2000. 654 p.

Kirilina A.V. *Feministskaya kritika yazyka [Feminist Criticism of the Language]*. *Slovar' gendernykh terminov [Dictionary of Gender Terms]*. Moscow: 21st Century Information Publ., 2002. 256 p.

Kostomarov V.G. *Yazykovoi vkus epohi. Iz nabludenii nad rechevoi praktikoi mass media [Linguistic Taste of the Era. Observations of Speech Practice of Mass Media]*. Saint- Petersburg: Zlatoust Publ., 1999. 320 p.

Kravchenko A.V. *Ot yazykovogo mifa k biologicheskoi real'nosti: pereosmyslyaya poznavatel'nye ustanovki yazykoznzniya [From Language Myth to Biological Reality: Rethinking the Cognitive Settings of Linguistics]*. Moscow: Handwritten Monuments of Ancient Russia Publ., 2013. 388 p.

Krongauz M. *Kritika yazyka [The criticism of language]*. Available at: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_3_09.htm (accessed 14.05.2014).

Potebnya A.A. *Estetika i poetika [Aesthetics and Poetics]*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1976. 614 p.

Skovorodnikov A.P. *Politkorrektnost' ili politicheskaya korrektnost' [Politcorrectness or Political Correctness]*. *Effektivnoe rechevoe obshshenie (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik. [Effective Verbal Communication (Core Competencies): Reference Book]*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Press, 2012. Pp. 476–477.

Skovorodnikov A.P. *O predmete lingvoekologii primenitel'no k sostoyaniyu sovremennogo russkogo yazyka [On the Subject of Ecological Linguistics as Applied to Modern Russian]*. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2013. № 1. Pp. 194–222.

Soboleva M.E. *Filosofiya kak "kritika yazyka" v Germanii* [Philosophy as a "Language Criticism" in Germany]. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University Press, 2005. 412 p.

Troshina N.N. *Yazykova kul'tura kak predmet obshchestvennogo interesa* [Language Culture as a Subject of Public Interest]. *Yazyk i kul'tura: Sb. obzоров* [Language and Culture]. Moscow: INION Publ., 1999. Pp. 88–109.

Eco U. *O politkorrektnosti* [About political correctness]. *Polnyj nazad! «Goryachie vojny» i populizm v SMI* [On Political Correctness. Full Speed Back! "Hot Wars" and Populism in Mass Media]. Moscow: EKSMO Publ., 2007. Pp. 167–181.

Beck G. *About the Criticism of Language and Culture of Speech. Sprache und mehr. Reihe Germanistische Linguistik 245*. Tübingen, 2003. Pp. 451–456.

Dewald R. *Anglicisms in German. – Language Development or Language Regress? Saarbrücken, VDM Verlag Dr. Müller*, 2008. 120 p.

Schiewe J. *About the Distinction of Linguistics from Language Criticism. Sprache und mehr. Reihe Germanistische Linguistik 245*. Tübingen, 2003. Pp. 401–415.

Schwinn H. *Linguistic Language Criticism: Its Borders and Chances*. Heidelberg: Groos, 1997. 185 p.

Wimmer R. *How to Justify the Position of Language Criticism? Sprache und mehr. Reihe Germanistische Linguistik 245*. Tübingen, 2003. Pp. 417–450.

Zimmerer V. *Language Criticism and Linguistic Relativity. Zimmerer V. The Domination via Language Power? What Psycholinguistics Can Say about The Power of Words ? Berliner Beiträge zur Linguistik. Band 4. Weißensee Verlag*. Berlin, 2006. Pp. 19–39.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бернацкая Ада Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: bern1940@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Bernatskaya Ada Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Speech Communication

Siberian Federal University

79 Svobodny street, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: bern1940@mail.ru